

Казимир
КАМЕЙША

*Цвет
доброты*

*Ганад Чарказян.
Страницы жизни и творчества*

МИНСК
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ЧЕТЫРЕ ЧЕТВЕРТИ»
2012

УДК 821.222.5.09
ББК 83.03.(2Рос=Курд)
К18

Вступительная статья
Р. Бородулина

Камейша, К. В.

К18 Цвет доброты: Ганад Чарказян. Страницы жизни и творчества / Казимир Камейша.— Минск : издательство «Четыре четверти», 2012.— 208 с. : ил.
ISBN 978-985-7026-81-4.

В книге «Цвет доброты» Казимир Камейша предлагает свое видение творчества известного поэта и прозаика, автора многочисленных книг о нашей современности, Ганада Чарказяна. Автор не ограничивается характеристикой лучших произведений писателя, а ведет откровенный разговор о секретах творчества, о тех невидимых нитях, которые всегда связывают биографию творца и судьбы его героев. Авторские суждения своеобразно подкрепляются биографическими примерами, свидетельствами самого времени.

УДК 821.222.5.09
ББК 83.03.(2Рос=Курд)

ISBN 978-985-7026-81-4

© Камейша К. В., 2012
© Оформление. ОДО «Издательство
«Четыре четверти»», 2012

АБСЯГУ КРЫЛАМ ТВАІМ!

Ганадзе Бадыр, сын батыра, волата, крыху прыземлена – Ганад Чарказян.

Паэт, пражайт, шанавальнік традыцый свайго народа.

Гэта яго ў Беларусі заўважылі і падтрымалі мае вялікія землякі Пятрусь Броўка і Васіль Быкаў.

Мне было асабліва цікава пазнаёміцца з культурай і звычаямі народа, лёсам і светаўспрыманням блізкага да беларусаў.

Курды гістарычна вогнепаклоннікі. Агонь вальналюбства, агонь непакіснасці, агонь любові да ўсяго роднага гартуе і грэе, апякуе і апякае сэрца курда, зрэштты, як і беларуса.

Я шмат перакладаў Ганада Чарказяна, яго прозу і вершы, і грэў крыху азяблую душу сваю ля агню яго сэрца.

Гэта невялічкае слова пра даўняга, высокага сябра майго хачу закончыць радкамі, яму прысвечанымі.

У палёце...

*Не лётаюць нізка арлы.
Крылаты ў нізіне
Гіне.*

*Спачыць на плячы ў скалы
Арлам дазваляюць вышыні.*

*Абсягу крылам стае
Праводзіць дзень на загоце.
Вартуючы гнёзды свае,
Арлы жывуць у палёце.*

Рыгор Барадулін,
народны паэт Беларусі

Образы и мысли Чарказяна хорошо и согласно кладутся на душу, легко, без усилий доходят до современного сознания. Хотя в тех случаях, когда мы имеем дело с непривычными, нетрадиционными образами и далеким миром, сознание наше оказывается вполне подготовленным к их безусловному восприятию. И в этом, по моему, истинный универсализм его поэзии, основанной на определенной традиции и определенной национальной культуре.

Василь Быков

Самый теплый март

Ступить бы на тропинку, что когда-то
К большой дороге вывела меня.
И, может быть, она не виновата,
Что я дошел до нынешнего дня.

Ганад Чарказян... Напрягаю память и все никак не могу вспомнить, когда это мы с ним познакомились, а затем и подружились. Прав поэт: «Время – вещь необычайно длинная», да оказывается, еще и скорая, почти мгновенная. Даже десятки лет по их прошествии кажутся какими-то минутами. Но ведь прошли десятилетия. Ну а если считать нашим знакомством его первую книгу стихов «Прочность», то произошло все в далеком уже 1980 году, когда поэтический сборник появился в книжных магазинах. Человек моего поколения не мог просто так промелькнуть мимо моего внимания. Мы, молодые, тогда еще не были избалованы большим вниманием к себе, не парили самозабвенно в облаках, как это присуще многим творческим юнцам нынешнего времени, а очень трепетно и уважительно относились к своим собратям

Казимир

КАМЕЙША

по перу, а самое главное – читали один одного, следили за каждой публикацией. Ну а сама книга уже никак не могла остаться незамеченной, если даже на нее не обращала внимания критика. Даже название книги символически подтверждало, что автор ее входит в литературу с хорошим запасом творческой прочности. Да и само благословение чего стоило: сборник сопровождал предисловием всенародно признанный поэт Петрусь Бровка. Можно было только позавидовать молодому автору – такая высокая поддержка! Тогда я еще не знал, с каким трудом пробивала себе дорогу первая книга Ганада. Узнаю об этом позже. Читателю, вероятно, не терпится побыстрее узнать, как это все происходило на самом деле. Не будем спешить, пусть и он, наш дорогой читатель, также узнает об этом позже. Разрешим событиям идти своим чередом, даже если потребуются какие-либо отступления. А «отступать» ведь дальше биографии, дальше судьбы не получится.

В бездну падать иль к звездам лететь,
Или освобождать города,—
Коль примером остались мать и отец,
Мир огромный не страшен тогда.

В огромном мире всегда великое множество всего того, что делает его огромным. И не все в нем горит одним одинаковым светом. Даже слеза челове-

Цвет доброты

Ганад Чарказян. Страницы жизни и творчества

ская, которая в отличие от глаз имеет, как и кровь, один только цвет, несет в себе самые разные оттенки: она может высвечивать и печаль, и радость, и зависть, и притворство. В огромном мире даже любая мелочь может нести огромный смысл. И совсем просто в этой необъятной огромности затеряться и потерять себя маленькому земному человеку. Но спасает человека всегда добрый пример его родителей – отца и матери. Тут я повторяю вслед за автором, потому что полностью соглашаюсь с ним. Читатель, вероятно, уже догадывается, что я приближаю его к детству, где всегда и начинается поэт. Да и продолжается тоже. Не будем же мы оспаривать Поля Элюара, который промолвил однажды выстраданное: «Поэт должен оставаться ребенком, даже если у него седые волосы и склероз сосудов».

Родился Ганад Чарказян 18 октября 1946 года в селе Ерасхаун Октембрянского района Армении. Это в Араратской долине. В переводе на русский язык название звучит так: Русло реки Ерасх. Давным давно дед Ганада, курд по национальности, спасаясь от беды да лиха, пришел сюда из Турции. Здесь путников и остановил неприметный родник у высохшего русла реки, здесь вместе с другом и построили они два дома, с которых и началось селение Ерасхаун. О своем курдском происхождении Ганад Чарказян говорит не то что с гордостью, но всегда подчеркивает,

Казимир

КАМЕЙША

что он не просто курд, а курд-езид¹. Он охотно рассказывает о курдах-езидах, о необычных обычаях их жизни. Для незнакомого уха чарующе звучат сами имена, отчества... Бадр – Бадриевич, Чарказ – Чарказян... Его отец – из рода Валои Бадре Чарказ. Сын – Ганаде Бадре Чарказ. Это он – наш знакомый Ганад Бадриевич Чарказян. А родник, что отыскал его дед, не только дарил свою целительную влагу сельчанам. Он и сегодня утоляет творческую жажду самого Ганада. Именно тот «родник с молочной от холода водой» всегда возвращал поэта в родное ущелье, к тем тропам, где и сегодня еще слышатся его шаги, которые

¹ Езиды, езди (самоназв.), йезиды – этноконфессиональная общность, субэтническая группа курдов, живущих главным образом в Ираке и Турции, небольшая часть – в Иране, Сирии, Грузии, Армении. Общая численность 5 млн. человек. Говорят на диалекте курдского языка. Религия езидов – синкретична. Сочетание древнеиранского (манихейского) дуализма, иудео-христианских и мусульманских представлений. В верованиях езидов бог – демиург Езд – представляется отстранившимся от земных дел, почитаемый езидами носитель активного начала – «ангел-павлин» Малаки-Тауз (изображение павлина почитаются езидами как обереги). Доктрина езидов записана тайнописью в «Книге откровений» и «Черной книге». Место паломничества – храм шейха Ади (единственный у езидов) и его могила (Лалеш, р-н Мосула). Развита народная обрядовая поэзия.

Цвет доброты

Ганад Чарказян. Страницы жизни и творчества

счастливым эхом памяти звучат и в его строках про то самое ущелье:

Вот здесь они жили,
Рождали детей,
Готовили пищу,
И выжили –
Как камни среди камней.
Откуда во мне
Эта твердость,
Ты понимаешь теперь?

Но вернемся туда, в далекую весну 1953 года. Детская память сохраняет только то, что затронуло ее и потрясло самым необычным образом, хотя взрослому оно может показаться и совсем обычной вещью. Просто у каждого возраста своя острота восприятия. Но начало марта 1953-го было совсем необычным. Необычно ярко для этой поры светило солнце, в горах таял снег, словно играясь и окликающая друг друга, бежали первые ручьи. А в начальной школе села Ерасхаун, где учился вместе со своими братьями и сестрами Ганад, вдруг отменили уроки. Детям всегда нравится, когда неожиданно прекращаются в школе занятия. Первая его учительница построила учеников возле школы и, склонив голову, повела к сельскому клубу. Возле клуба было много народу. Никто почему-то не смотрел

Казимир

КАМЕЙША

на большую серебристую «тарелку», прикрепленную к столбу, из которой каким-то невидимым ручьем лились звуки печальной мелодии. Все смотрели вниз и плакали. Сегодняшние спутниковые антенны вырастали из тех далеких серебристых «тарелок», но они Ганаду всегда напоминают ту, давнюю, возле клуба. В тот день все повторяли только два слова: «Умер Сталин!» Плакал тогда и он, маленький Ганад. И уже потом, в зрелости, задумается: *«До сих пор теряюсь в догадках. Может, люди тогда зря плакали? Плакали – значит, надо было плакать, хоть никто никого не заставлял. Была огромная страна, где всех воспитывали в духе патриотизма, любви к родине. Были свои моральные ценности. Была цель в жизни. Хоть и с трудом, но страна двигалась вперед. Люди с каждым годом жили все лучше и лучше. Разрушительная война оставила после себя огромные проблемы. И все люди понимали, что спасти страну и выжить можно только ежедневным трудом каждого человека».*

То, что надо трудиться, чтобы жить лучше, понимали и ребяташки его возраста. Ну как же, это святое правило, завещанное еще великими предками. Можно ссылаться на многие пословицы, смелые изречения мудрецов, но все они сводятся к одному: не будешь трудиться – не будешь иметь. В селе Ерасхаун трудились все – от мала до велика. Так изначально повелось и в его жизни – учеба и труд были всегда неразделимы.

Цвет доброты

Ганад Чарказян. Страницы жизни и творчества

В том марте плакали не только люди, плакали ручьи и освобожденные из снежного зимнего плена реки. Но в этом плаче многие услышали уже не тягучую и заунывную печаль, а предвестие небывалой и великой оттепели. Дыхание ее Ганад услышит десятилетием позже, когда она только, набрав силу, тут же начнет и угасать.

Я вчитываюсь в строки его биографии и нахожу так много схожего в том, как раскручивались по вертикали жизни наши тропинки – его, горная, и моя, пуцанская. Была и у меня своя учительница и слезы; правда, слушали не «тарелку», а, понутив головы, печально посматривали на зеленый глаз радиоприемника «Родина», подключенного к двум увесистым батареям в хорошо протопленной хате учительницы. Сам приемник – необычная роскошь для сельской местности того времени. Чем-то похожи были и наши школы, и расстояния до них.

Какое бы время ни правило нами, а школьные годы в жизни человека самые памятные и неповторимые. И трудновато было порою, но все трудное легко перечеркивалось тем самым весельем... Незаметно пролетели четыре года начальной школы, в пятый класс пришлось ходить за три километра в село Варданашен. Дорога всегда считалась самой великой сводницей. Ничто так не сближает людей, как она. По утрам все собирались у моста через реку Ерасх, а потом уже дружной стайкой, с шутками и прибаутками то-

пали до Варданашена. Куда более радостным было возвращение обратно. И так каждый день, на протяжении трех лет. А вот начиная с восьмого класса дорога значительно удлинилась. Теперь она составляла добрых семь километров и вела до села Маркара. Семь – туда и семь – обратно. Все вместе равняется четырнадцати. Вот такая простая формула непростой школьной арифметики. Для молодых, еще неокрепших ног, может, и многовато. Но ничего – ходили. Опять же, с шутками да прибаутками и дорога – не дорога... Никто не ныл, не жаловался. Труднее было зимой. Дни становились короче. С темнотой уходили и возвращались. Случались и свои везения: попутная машина или даже трактор. Это уже настоящий праздник!

Цивилизация подступала к селу не совсем решительно, но все же приближалась. Керосиновую лампу вскоре заменило электричество. Но «лампочка Ильича» в селе Ерасхаун была барышней капризной: хочу – свечу, хочу – нет.

Зимой темнеет рано, а уроки, свое домашнее задание, ученик должен как-то делать. Его друзья в школе часто и оправдывались отсутствием электричества. Не выучить урок? Ганад не мог себе позволить такого удовольствия. В любом тупиковом положении всегда найдешь какой-то выход, если, конечно, хорошо его поискать. Ганад его нашел сразу. Зимой дом согревала большая печка-буржуйка. В дверце ее были довольно внушительные отверстия, чтобы воздух помогал пламени

Цвет доброты

Ганад Чарказян. Страницы жизни и творчества

горячее плясать. Отблески огня довольно ярко высвечивали пол, стены, выхватывали из темноты и само лицо того, кто возле него грелся. Ганад еще приоткрывал немного дверцу, и тогда возле печки становилось совсем светло. Так и учил он, положив учебник на колени, армянский, русский, немецкий и курдский языки. Не сказать, что все давалось легко. Было тяжело с немецким и русским. Немного податливее был родной, курдский. Но юное упорство побеждало. Упреков от своих родителей он не слышал.

Однажды – он даже не помнит, когда это случилось, – юноша почувствовал в себе острую необходимость писать и печататься. Он не ослушался зова своей души, ибо тот был очень настойчивым. Так началось сотрудничество с печатью, районной газетой. Он писал о своих сельчанах, не обошел вниманием ни одного имени. И к нему начали относиться с тем же уважением, с каким относились к его отцу и деду. Отнюдь не гонорары, совсем крохотные, даже смешные, убаюкивали молодое сердце, а само печатное слово. Поймет это лишь тот, кто знает истинный вкус самого слова. Не одну профессию подарит ему жизнь, но выбор свой он остановит все же на литературе.

Слишком обыкновенными казались Ганаду Чарказяну слова, с помощью которых он пытался рассказать о больших делах своих сельчан, как будто водила им не своя, а чужая рука. Душе хотелось слов самых необыкновенных. А в словаре их, пожалуй, не найдешь.

Казимир

КАМЕЙША

Это сегодня он знает, что искать их надо в самой душе да памяти. Но все же он искал. В поэтических строчках было то же самое, слишком все обыкновенно. Сатириком быть он не собирался. А вот стихотворение, которое, как он считал, должно обязательно кому-то понравиться, было похоже на басню. После самого теплого в его жизни марта прошло почти десять лет. В стране, да и во всем мире, на самом деле стало теплее. А вот на листке из школьной тетради, который извлекают из конверта в армянском журнале «Пионер», всех почти удивит необыкновенное название «Зима, старик и кожух». Стихотворение в журнале появилось, но ему сопутствовала смешная, почти комедийная предыстория. Вот тут дадим слово самому автору:

«Тогда я написал стихотворение, похожее на басню. Мужик, герой стихотворения, оказался в холодном горном ущелье во время сильной снежной пурги и мечтал, чтобы кто-нибудь приобрел для него кожух. Конечно, мужик был далек от сказок, и никто не мог помочь ему. Тут я брал на себя смелость и учил его, взрослого человека, как надо жить. И советовал ему не мечтать, а самому найти или сшить себе кожух. Иначе можно и замерзнуть в далеком ущелье... Отправил я свою работу в журнал «Пионер» и с нетерпением ждал, что скажут профессионалы...

К моему удивлению, я не получил отписку с пожеланиями успеха, а получил приглашение в редакцию. Солидный дядька с ходу утешил меня, что стихи ему нравятся, но есть один существенный недостаток.

СОДЕРЖАНИЕ

Абсягу крылам тваім! <i>Рыгор Барадулін</i>	5
Самый теплый март	9
Весна больших надежд	23
Белорусский меридиан	33
Крылья отрастают на земле... ..	51
Еще раз о дружбе	65
Заручиться добротой	83
Ноша	105
Четыре чеканных шага	121
Польнь пахнет по-белорусски	147
Спасительное колесо	173
С утра до вечера	185
Постскриптум вдогонку	193
Ночные огоньки	199
Акрашана. <i>Рыгор Барадулін</i>	205